

УДК 343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.209-219

РИНАТ ГАЯНОВИЧ МИРОНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры права, Восточная экономико-гуманитарная академия,
г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: mirorinat@yandex.ru;

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЩЕРБАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе,
Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Миронов, Р. Г. Современное состояние функционирования уголовно-исполнительной системы / Р. Г. Миронов, А. В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 209–219. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.209-219.

Аннотация. В современных условиях уголовно-исполнительная система России переживает непростой процесс реформирования, предпосылки и ход которого заданы двумя стратегическими, концептуально отраженными целевыми установками: 1) гуманизацией уголовно-исполнительной системы в параметрах конституционных норм с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства; 2) повышением эффективности уголовно-исполнительной системы в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. С одной стороны, в условиях демократизации государства и общества изменяется содержание функций, конкретных задач, форм и методов работы правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы и входящих в нее органов и учреждений. В целом в современной динамично развивающейся системе правовых отношений и ценностей правоохранительная служба не рассматривается больше как силовой институт, обладающий неограниченным репрессивным потенциалом. Напротив, это гарант социально-психологического комфорта граждан, так как смысл правоохранительной деятельности заключается в том, чтобы всеми дозволенными силами и средствами помочь человеку восстановить нарушенное право, включая ситуации, когда оно нарушено самим государством. С другой стороны, появляются новые формы и источники угроз

© Миронов Р. Г., Щербаков А. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

личной, общественной и государственной безопасности, в том числе в связи с функционированием и развитием уголовно-исполнительной системы.

В статье с помощью сравнительно-правового, структурно-функционального, нормативно-логического методов, метода толкования правовых норм рассматривается современное состояние уголовно-исполнительной системы, выделяются некоторые отправные точки к пониманию основ ее организации и функционирования. В ходе изучения и обобщения специальной литературы выявляются проблемы в этой области и предлагаются рекомендации, направленные на совершенствование нормативных правовых основ и практики. Сделанные выводы по модернизации уголовно-исполнительной системы могут иметь существенное значение для обеспечения ее безопасности в современных условиях функционирования.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний, гуманизация уголовно-исполнительной системы, персонал пенитенциарных учреждений, спецконтингент, осужденные, безопасность уголовно-исполнительной системы.

Характеризуя уголовно-исполнительную систему (УИС) современной России, прежде всего, с опорой на концептуальные правовые документы (Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года), акты законодательства (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»; Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314), специальную юридическую литературу, следует обозначить отправные точки к пониманию основ ее организации и функционирования.

Во-первых, УИС занимает важное место в государственном механизме, осуществляя пенитенциарную деятельность, сопряженную с реализацией мер государственного принуждения и необходимую для поддержания и обеспечения порядка, в параметрах, установленных государством правовых форм, при помощи специфических юридических и организационных средств и методов. В целом она относится к системе правоохранительных органов [1, с. 159–176].

Во-вторых, УИС является социальным институтом, играющим особую роль в системе социального контроля, выступает важнейшим компонентом системы социальной организации в целом [2, с. 42]. Важно отметить, что УИС выполняет паритетно со специальными функциями исправительных учреждений социальные функции: карательную, превентивную, ресоциализирующую и реабилитационную. В свою очередь, социальный характер указанных функций определяется их направленностью, социально дифференцированным подходом к осужденным, отношением общества к осужденным и отбывшим наказание [3, с. 10, 11].

В-третьих, УИС обладает существенной спецификой, производной от своего предназначения, выполняемых функций и задач, условий функционирования, коррелирующей с характером и объектами пенитенциарного воздействия и проявляющейся в ее внутренней организации, правилах уголовно-исполнительной деятельности, ее специализации, коммуникативных, инфраструктурных и иных компонентах [4, с. 77]. Следует

согласиться с суждением, согласно которому современная УИС имеет четкую и строгую иерархию, относительно закрытый характер, при этом взаимодействует с другими структурными компонентами государственного механизма, социальными институтами в строго регламентированных правовых формах [3, с. 10]. Изучение законодательных и подзаконных нормативно-правовых предписаний и доктринальных разработок позволяет вести речь об отнесении к составу современной УИС России:

– Федеральной службы исполнения наказаний, подведомственной Министерству юстиции Российской Федерации (головной орган управления) [5, с. 13–18]), ее территориальных органов;

– учреждений и органов, исполняющих различные виды наказаний;

– других организаций, деятельность которых обеспечивает функционирование данной системы.

Следует согласиться с высказанным в специальной литературе мнением о том, что пенитенциарные учреждения занимают в УИС особое место, поскольку именно они непосредственно обеспечивают достижение ее целевых установок и решение задач [4, с. 79]. Кроме того, сама УИС может рассматриваться в разрезе горизонтального и вертикального ее строения: в первом случае речь идет об УИС в ее узком понимании, отождествлении с органами и учреждениями, непосредственно исполняющими различные уголовные наказания; во втором случае имеется в виду структура управления указанными органами и учреждениями со стороны ФСИН России и ее территориальных органов [6, с. 19]. Вместе с тем в специальной литературе не без оснований отмечается значимость правового упорядочения в части легального определения понятия уголовно-исполнительной системы, поскольку нередко в юридической литературе данная система, федеральный орган управления ею и органы, учреждения, которые непосредственно исполняют наказания, рассматриваются как синонимы [7, с. 2].

В-четвертых, УИС, как и любой системный объект, имеющий социально-правовое измерение и отражение, необходимо рассматривать с учетом имеющихся взаимосвязей с другими социально-правовыми системными объектами, а также в динамике развития, во взаимосвязи с движением и изменениями социума, государства, а также в корреляции с интеграционными процессами общемирового и регионального характера. Это, в свою очередь, означает, что УИС, оказывая определенное влияние на общество и государство, сама испытывает на себе влияние происходящих в обществе и государстве процессов, адаптируется к ним. При этом обозначенная специфика рассматриваемой системы предполагает особенности ее реформирования и адаптации к новым политико-правовым и социально-экономическим реалиям, необходимость особенно взвешенного, прагматичного и одновременно учитывающего гуманитарные идеи и ценности потребности поступательного развития России подхода. Очевидно также, что налаживание конструктивного взаимодействия между УИС и позитивными компонентами социальной организации, формирование и практическое использование социально-правового механизма в связи с этим является необходимым условием оптимизации современной уголовно-исполнительной системы [8, с. 35–38].

Изучение специальной литературы [9, с. 19–21], отражающей предпосылки и ход современного реформирования УИС России, позволяет нам, с известной долей обобщения, указать на две основные взаимосвязанные целевые установки обозначенного процесса: 1) гуманизация УИС с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства; 2) повышение эффективности УИС в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. Соответственно современное со-

стояние УИС России следует рассматривать сквозь призму данных целевых установок, совокупность факторов, обусловивших их постановку, а также оказывающих влияние на процесс достижения обозначенных целевых установок и решение связанных с этими установками задач.

Гуманизация уголовно-исполнительной системы с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства. Следует обратить внимание на определенный исторический опыт формирования и практики осуществления гуманных начал исполнения уголовных наказаний в отечественной пенитенциарной системе, подключения общества к этой проблеме [10, с. 30–32]. Уже в 1980-х гг. в русле перестроечных реформ были проведены отдельные мероприятия по демократизации и гуманизации советской пенитенциарной системы [4, с. 65]. Идея гуманизации уголовно-исполнительной системы, в частности, таких ее составляющих, как правовая защищенность осужденных, социальная адаптация лиц, отбывших наказание, необходимость их комплексного решения была озвучена в Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы (одобрена коллегией МВД СССР в 1990 г.). В дальнейшем данная идея была конкретизирована в положениях законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов Российского государства [11, с. 19], концептуально оформлена в Конституции РФ, последовательно проведена в правовых позициях высших судебных инстанций, например, в решении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 1995 г. по делу о проверке конституционности ч. 1 и п. 8 ч. 2 ст. Жилищного кодекса РСФСР. Важную роль в утверждении данной идеи и ее осуществления сыграл интеграционный фактор: вступление России в Совет Европы [12, с. 4] и связанное с этим процессом признание юрисдикции Европейского Суда по правам человека [13, с. 210–230], подписание международно-правовых актов в сфере прав человека и стандартов обращения с заключенными, принятие в связи с этим мер по имплементации международно-правовых обязательств в национальной правовой системе и, в частности, в рамках уголовно-исполнительной системы. Не останавливаясь на содержании международных правовых актов, касающихся пенитенциарной системы, отметим их важное значение для гуманизации уголовно-исполнительной сферы, признание этого факта на концептуальном, законодательном и доктринальном уровнях, осуществление комплекса мер (не только законодательного (имеется в виду принятие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1997 г., в определенной степени учитывающего международно-правовые обязательства России, а также других законодательных актов, в частности Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г., Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г., Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», вносимые в указанные и другие законодательные акты коррективы), но и организационно-правового характера) в этой части [14, с. 2–4]. В специальной литературе в целом позитивно оценивается современное состояние нормативных положений уголовно-исполнительного законодательства России на предмет соответствия международным стандартам [15, с. 4–9]. Отметим, что сам факт перевода уголовно-исполнительной системы из ведомства МВД России в подведомственность Минюста России (указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации»), постепенное снижение в России численности контингента лиц, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества (для

сравнения можно привести следующие данные: если в 2002 г. количество осужденных в местах лишения свободы составляло 877 393 чел., то в 2015 г. – 656 618 чел.) [16, с. 176–183], и параллельное расширение альтернативных форм пенитенциарного воздействия [17, с. 5–8], правовое упорядочение в части государственного контроля и надзора, общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений [18, с. 14–15] также свидетельствуют о пользе гуманизации рассматриваемой системы на современном этапе ее развития.

Таким образом, следует признать объективный и значимый характер гуманизации сферы исполнения наказания, необходимость продолжения последовательных законодательных и организационно-правовых мер в данном направлении с учетом национальных интересов и международно-правовых обязательств России [19, с. 222–226]. Вместе с тем, очевидно, речь не идет о мифологизации проблемы соблюдения прав осужденных, принимая во внимание установленные государством определенные и в некоторых случаях довольно строгие ограничения и запреты [20, с. 64–66]. Среди целей их установления – охрана и защита безопасности отдельных людей, социальных коллективов, общества и государства в целом. Показательно, что современные исследователи рассматривают гуманизацию условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий их прав и законных интересов, как фактор, способный привести в итоге к сокращению рецидива преступлений [5, с. 16].

На наш взгляд, в контексте проблемы гуманизации УИС и одновременно значимости обеспечения безопасности личности следует рассматривать ситуацию с профилактикой и лечением опасных заболеваний осужденных и отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях (сведения о социально значимых заболеваниях у лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и некоторых показателях деятельности медицинской службы (отчеты ФСИН России в период с 2009 по 2014 год. Форма 1-МЕД (ежемесячная) утверждена приказом ФСИН России от 27 февраля 2007 г. № 98).

В целом недопустимо отождествлять демократические преобразования, в частности связанные с демократизацией управления, гуманизацией мест лишения свободы, со вседозволенностью. Между тем такое восприятие имеет место среди контингента осужденных, о чем косвенно говорят статистические данные. Например, согласно сведениям ФСИН России, за период с 2010 по 2014 год отмечалось увеличение числа нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания в расчете на 1000 человек: если в 2010 г. таковых было 806,37, то в 2014 г. – 1112,68 (увеличение на 38 %). На 13,3 % увеличилось количество злостных нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания в расчете на 1000 человек (с 32,58 в 2010 г. до 36,91 в 2014 г.) [22, с. 10–12], чему, по всей видимости, в определенной степени способствует (наряду с другими факторами, включающими в себя как специфические для пенитенциарных учреждений условия, так и неблагоприятные, деструктивные условия внешней для уголовно-исполнительной системы социальной среды) неготовность персонала уголовно-исполнительной системы к работе в новых условиях.

Повышение эффективности уголовно-исполнительной системы в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. В современных условиях уголовно-исполнительная система рассматривается не с позиций карательного инструмента (хотя понятно, что карательная функция неизменно присутствует в процессе ее функционирования), а в первую очередь с точки зрения выполнения ею превентивной, ресоциализирующей и реабилитационной функций. Принимая во внимание широкий

спектр задач, возлагаемых на компоненты рассматриваемой системы (прежде всего пенитенциарные учреждения), справедливо высказанное в специальной литературе суждение о том, что задачи исправительных учреждений (и в целом уголовно-исполнительной системы) хотя и в значительной мере совпадают с целями наказания, но вместе с тем шире последних [4, с. 85–86].

В современных условиях уголовно-исполнительная система в процессе функционирования сталкивается с рядом проблем, формирование и обострение которых вызвано различными факторами [22, с. 132]. При этом одна часть из них обусловлена самой пенитенциарной системой (специфика контингента осужденных, и особенно рецидивистов, роль криминальной и тюремной субкультуры [23, с. 72–79], объективные трудности осуществления эффективного контроля в целях обеспечения режимных требований соответствующего учреждения и предупреждения нарушений и др.), а другая – коррелирует с явлениями и процессами социально-экономического, культурно-идеологического, политико-правового и организационного характера и проявляется в просчетах уголовной и уголовно-исполнительной политики [24, с. 43–45] в целом и недостатках функционирования уголовно-исполнительной системы в частности. Изучение и обобщение доктринальных источников и эмпирического материала позволяет с определенной долей условности выделить следующие основные группы факторов, коррелирующих с неблагоприятными процессами и явлениями социального характера и негативно влияющих на функционирование УИС в современных условиях.

Омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осужденных и отбывающих наказания. В специальной литературе [25, с. 47–53] приводятся данные, согласно которым среди осужденных и отбывающих наказание увеличивается удельный вес лиц молодежного возраста (лица до 25 лет составляют до 30,7 %), более половины всех осужденных отбывают наказание за насильственные преступления. Как следствие – ухудшаются криминологические характеристики контингента, растет пенитенциарная преступность (в первую очередь насильственная). Серьезные опасения вызывает преступность несовершеннолетних, в том числе повышение ее организованности, высокий удельный вес в ней насильственных преступлений, усиление позиций криминальной и тюремной субкультуры в контингенте несовершеннолетних осужденных [26, с. 13–15].

Кроме того, как отмечают исследователи [27, с. 96], за несколько лет количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления возросло вдвое и достигло 80 % общей численности осужденных к лишению свободы; более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы, почти половина отбывает наказание второй раз и более; увеличилось число осужденных с повышенной агрессивностью и возбудимостью, психическими отклонениями, наркоманов, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду, непредсказуемым действиям, нападениям на сотрудников, других осужденных. При этом существенно повысилась активность криминальных лидеров, пытающихся координировать противоправные действия осужденных (значительная часть которых связана с организованной преступностью), в том числе в части дезорганизации исправительных учреждений, а также в связи с посягательствами на работников уголовно-исполнительной системы. Не останавливаясь на этом аспекте, отметим, что в нейтрализации обозначенной группы факторов исправительным учреждениям придается важное значение, при этом параллельно должны формироваться и реализовываться меры по предупреждению преступности, ее ограничению и разрушению преступного мира (его традиций, влияния на общество, материальной базы организованной преступности [28, с. 218–291]).

Проблема организации социально полезной занятости осужденных и отбывающих наказания в исправительных учреждениях. Общественно полезный труд выступает одним из средств исправительного воздействия, кроме того, это – способ вовлечения осужденного в социально значимые отношения, способствующие его морально-психологической и трудовой ресоциализации [29, с. 16–19].

Вопрос привлечения осужденных к оплачиваемому труду достаточно сложный, так как для успешного функционирования производства необходимо регулярно обеспечивать его заказами, а также оперативно закупать сырье и материалы, стабильно выплачивать заработную плату, повышать профессиональную подготовку осужденных. По мнению ряда исследователей, в настоящее время в пенитенциарной системе Российской Федерации имеются объективные причины и факторы, связанные с проблемами трудовой занятости осужденных и сдерживающие развитие производства [30, с. 122–128].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года концептуально обозначен комплекс мер, направленных на оптимизацию УИС в этой части. При этом раздел Концепции, посвященный труду и профессиональному обучению и образованию осужденных в местах лишения свободы, был переработан с учетом замечаний авторитетных ученых. Как полагает профессор В. И. Селиверстов, ряд изменений и дополнений Концепции направлен на обеспечение гарантий трудовых прав осужденных к лишению свободы, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации, в том числе право на отдых, включая предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска; на оплату труда не ниже установленного минимального размера; на увеличение размера заработанных денежных средств, направляемых на лицевой счет осужденного [32, с. 188–204]. Нормы труда, по обоснованному мнению ученого, должны быть приведены в соответствие с типовыми отраслевыми нормами.

Однако отдельные положения рассматриваемого документа (например, повышение экономической эффективности труда осужденных) выглядят декларативно (а в определенной части также спорно с этической точки зрения) и не без оснований подвергаются критике в юридической литературе [32, с. 29–32].

Кроме того, пенитенциарные учреждения столкнулись с проблемами общеобразовательного и профессионального обучения осужденных (во многих исправительных учреждениях происходит закрытие школ и профессиональных училищ); серьезные трудности имеются в организации трудовой занятости несовершеннолетних осужденных; на неудовлетворительном уровне находится воспитательная работа с осужденными [33, с. 19].

Препятствия на пути назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Проблема альтернативных мер уголовно-правового воздействия имеет особую значимость, в том числе в плане предупреждения новых преступлений, ресоциализации лиц, совершивших преступления впервые и небольшой тяжести [34, с. 109–115]. Показательно, что в настоящее время сама система уголовных наказаний выстроена по принципу от менее суровых к более строгим формам уголовно-правового воздействия. Как полагают некоторые исследователи, в этом подходе УК РФ (в отличие от УК РСФСР) просматривается предпочтение видам наказания, не связанным с изоляцией от общества: штрафу, обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, ограничению свободы [35, с. 95–106]. Хотя данное высказывание и небесспорно [36, с. 20], в целом нельзя отрицать, что практика применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, расширяется: в 81 федеральном казенном учреждении «Уголовно-исполнительная инспекция» и в 2407 их филиалах

состоят на учете 437 918 осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и 3167 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом [37, с. 3–6].

Вместе с тем в специальной литературе обращается внимание на то, что уголовно-исполнительным инспекциям ФСИН России приходится контролировать исполнение наказаний все более рецидивоопасного контингента (в свою очередь, повторные правонарушения и преступления со стороны лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества, являются тревожным показателем и одновременно криминогенным фактором [38, с. 3–6]). По мнению отдельных авторов, сложившийся в стране институт исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества (так называемый институт альтернативных наказаний), переживает системный кризис, имеющий прежде всего организационную и ресурсную природу [39, с. 46–48].

Следует также обратить внимание на то, что сама уголовно-исполнительная система России переживает непростой и коррелирующий с движением российского общества и государства, интеграцией и международным сотрудничеством в рассматриваемой сфере процесс трансформации организационных основ и функционирования, в свою очередь, проявляющийся в репрофилировании системы пенитенциарных учреждений [40, с. 52–54], поэтапной демилитаризации уголовно-исполнительной системы [41, с. 1225–1233], установлении новых требований к ее кадровому обеспечению [42, с. 1–12], и других обстоятельствах, нуждающихся в дополнительной проработке (с подключением научной составляющей) во взаимосвязи с требованием обеспечения безопасности рассматриваемой системы в современных условиях. Мы в полной мере разделяем высказанное в специальной литературе суждение о том, что государство должно иметь адекватную обществу пенитенциарную систему [4, с. 112], и полагаем, что инновационные преобразования, обусловленные динамикой развития российского общества и государства, интеграционными процессами, не отрицают учета (в разумной степени, принимая во внимание преемственность развития государства и права, тип отечественной правовой системы) собственного позитивного опыта [5, с. 15].

Обобщение изложенного в статье приводит к следующим выводам.

1. Уголовно-исполнительная система занимает важное место в государственном механизме, осуществляет в параметрах, установленных государством правовых форм, при помощи специфических юридических и организационных средств и методов пенитенциарную деятельность, сопряженную с реализацией мер государственного принуждения и необходимую для поддержания и обеспечения порядка (правового, политического, социального), является социальным институтом, играющим особую роль в системе социального контроля, тем самым выступая важнейшим компонентом системы социальной организации (общества) в целом. В связи с этим УИС, испытывая на себе влияние социума и происходящих в нем и в государстве изменений, в свою очередь, оказывает влияние на социум, государство, его граждан.

2. Предпосылки и ход современного реформирования УИС России заданы двумя основными взаимосвязанными целевыми установками обозначенного процесса: гуманизацией уголовно-исполнительной системы с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства, повышением эффективности УИС в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. Соответственно современное состояние УИС следует рассматривать сквозь призму данных целевых установок, совокупность факторов, обусловивших их постановку, а также оказывающих

влияние на процесс достижения обозначенных целевых установок и решение связанных с этими установками задач.

3. В современных условиях УИС, входящие в нее исправительные учреждения (иные ее компоненты) в процессе функционирования сталкиваются с рядом проблем, формирование и обострение которых обусловлено факторами, одна часть из которых заключена в самой пенитенциарной системе (специфика контингента осужденных, и особенно рецидивистов, роль криминальной и тюремной субкультуры, объективные трудности осуществления эффективного контроля в целях обеспечения режимных требований соответствующего учреждения и предупреждения нарушений, в том числе преступных, со стороны осужденных и др.), а другая – коррелирует с явлениями и процессами социально-экономического, культурно-идеологического, политико-правового и организационного характера и проявляется в просчетах уголовной и уголовно-исполнительной политики в целом и недостатках функционирования УИС в частности.

К основным факторам, коррелирующим с неблагоприятными процессами и явлениями социального характера и негативно влияющим на функционирование УИС в современных условиях, следует отнести:

– омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осужденных и отбывающих наказания (в первую очередь связанные с изоляцией от общества);

– проблему организации социально полезной занятости осужденных и отбывающих наказания в исправительных учреждениях и мер по их ресоциализации;

– препятствия на пути назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Библиографический список

1. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 159–176.

2. Андреев Н. А. Социология исполнения уголовных наказаний. М., 2001. 137 с.

3. Лелюх В. Ф. Российская уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Кемерово, 2006. 40 с.

4. Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительная система России: теоретические, правовые и организационные основы : монография. СПб., 2007. 228 с.

5. Бомбергер И. И. Реформирование и становление российской пенитенциарной системы // Концептуальные направления реформирования уголовно-исполнительной системы : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 13 авг. 2012 г. / под общ. ред. П. И. Остапенко. Владимир, 2012. С. 13–19.

6. Уткин В. А. Проблемы уголовно-исполнительного права : учеб.-метод. комплекс для магистратуры. Томск, 2017. 120 с.

7. Борсученко С. Уголовно-исполнительная система: понятие и содержание // ЭЖ-Юрист. 2016. № 41.

8. Багреева Е. Г. Институты гражданского общества и уголовно-исполнительная система России: от конфронтации к сотрудничеству // Российский следователь. 2012. № 22. С. 35–38.

9. Шамсунов С. Х., Лосева С. Н. Место и роль международных стандартов в системе исполнения наказаний России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 19–21.

10. Алексеев В. И. О соотношении карательного, филантропического, исправительного воздействия на осужденных в контексте стратегии пенитенциарной политики (1879–1917 гг.) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 30–32.

11. Ткачевский Ю. М. Новое в уголовно-исполнительном праве. Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1995. № 1. С. 19.

12. Быков А. В. Значение зарубежного опыта для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4. С. 28–34.

13. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть : курс лекций. М., 2010. 416 с.

14. Гачава М. Л. Гуманизация отбывания наказаний как основное условие обеспечения правового положения осужденных в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 5. С. 2–4.

15. Гришко А. Я. Уголовно-исполнительный закон: декларации и реалии, необходимость в обновлении // Омбудсмен. 2014. № 2. С. 4–9.

16. Горбань Д. В. Прогрессивная система исполнения и отбывания исправительных работ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4. С. 176–183.

17. Уткин В. А. О перспективах probation в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.

18. Борсученко С., Косихин Д., Аносов М. Курс на гуманизацию тюремной системы // ЭЖ-Юрист. 2012. № 18. С. 14–15.

19. Петров А. М. Уголовно-исполнительная политика как выражение национальных государственных интересов России // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 29–30 нояб. 2012 г.). Владимир, 2013. С. 222–226.

20. Головкин Р. Б. Некоторые проблемы осуществления уголовной и уголовно-исполнительной политики в современной России // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 29–30 нояб. 2012 г.). Владимир, 2013. С. 64–66.

21. Никитин А. М. Пенитенциарное криминальное насилие: современные проблемы профилактики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 10–12.

22. Петров С. М. Государственное управление уголовно-исполнительной системой и пути ее реформирования : монография. Домодедово, 1995. 191 с.

23. Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Калманов Г. Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. 1996. № 10. С. 72–79.

24. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. 144 с.

25. Миронов Р. Г., Минасов С. Г. ОВД и УИС в системе правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности в сфере правопорядка // Международное публичное и частное право. 2005. № 6. С. 47–53.

26. Смирнов А. М. Уголовно-исполнительная характеристика несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности

и половой свободы личности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 13–15.

27. Щербаков А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 174 с.

28. Шалахин И. В. Теория и методология изучения и ограничения (предупреждения) преступности, обеспечения криминологической безопасности личности. М., 2011. 300 с.

29. Лосева С. Н., Гарник С. В. Организация труда осужденных в условиях реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 16–19.

30. Хохрин С. А. Предупреждение пенитенциарной преступности: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 122–128.

31. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // Lex russica. 2016. № 9. С. 188–204.

32. Головкин Л. В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 29–32.

33. Смирнова И. Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Псков, 2010. 44 с.

34. Ведерникова О. Н., Гейнце О. В. Влияние практики назначения уголовного наказания на состояние рецидивной преступности: региональный аспект // Уголовное право. 2016. № 2. С. 109–115.

35. Гравина А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95–106.

36. Кудрявцев А. В. Оперативно-розыскная деятельность как средство снижения криминогенности уголовно-исполнительных правоотношений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 5. С. 20–23.

37. Горяинов К. К., Иванов И. А. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения наказания и его цели // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 3–6.

38. Дегтярева О. Л. Общегосударственные особенности роста и снижения уровня повторной преступности среди лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества, в общей структуре преступлений, совершаемых на территории страны // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 1. С. 3–6.

39. Плющева Е. Л. Теоретико-правовые аспекты контроля за осужденными без изоляции от общества // Российский следователь. 2015. № 13. С. 46–48.

40. Греков М. Л. К вопросу о необходимости постепенного перехода от колоний к тюрьмам // Российский следователь. 2012. № 23. С. 52–54.

41. Каляшин А. В. К вопросу демилитаризации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 1225–1233.

42. Остапенко П. И. Приоритетные направления кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 80(06). С. 1–12.